

УДК 82.09

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.3.5

Е. В. Беликова¹

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

«Только англичанка...»: репрезентация английского национального характера в романе Шарлотты Бронте «Городок»

Аннотация. В статье определяются ключевые особенности английского национального характера, отразившиеся в романе Шарлотты Бронте «Городок». Благодаря географическому перемещению своей героини, совершающей переезд из Англии в Лабаскур (под которым угадывается Бельгия), писательница получила возможность представить героиню-англичанку в мире иной культурной, религиозной и языковой ментальности. Встреча с Другим позволяет автору сравнивать разные национальные характеры и модели культуры. В статье применяется как традиционный культурно-исторический, так и современный имагологический методы анализа. Результаты исследования заключаются в рассмотрении разных (культурных, этических, религиозных, бытовых) аспектов «английскости». Английский национальный характер определяется через соотнесённость с такими устойчивыми концептами, как «джентльмен», «дом», «независимость», «протестантизм». Концепция «английскости» в романе формируется на основе всецело положительных, даже идеальных качеств: высокой нравственности, порядочности, чувства долга, культа дома, патриотизма. Эти свойства противопоставляются континентальной франкоязычной культуре, которую писательница воспринимает преимущественно в негативном свете. Однако любовь, соединившая англичанку и «лабаскурца», даёт урок преодоления национальных и культурных различий.

Ключевые слова: Шарлотта Бронте, «Городок», «английскость», национальный характер, имагология.

Дата поступления статьи: 20 июля 2021 г.

Для цитирования: Беликова Е. В. (2021) «Только англичанка...»: репрезентация английского национального характера в романе Шарлотты Бронте «Городок» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Том 15. № 3. С. 38–46. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.3.5.

Проблема и цель. Изучение национального характера, выраженного в художественном тексте, является одним из актуальных направлений современного литературоведения. Оно активно применяет методы исследований разных дисциплин: истории, политологии, психологии, этнопсихологии, сравнительной этнографии, компаративистики, имагологии и др. Среди подобных исследовательских практик большой интерес представляет литературный концепт «английскости». «Литературоведческий аспект английскости представлен самыми разнообразными исследованиями, выдвигающими на первый план тех авторов литературных произведений, которые являются образцовыми представителями английскости либо представляют в своем творчестве собственные концепции английскости» [1, с. 182]. К Шарлотте Бронте и её последнему роману «Городок» («Виллет», 1853) в полной мере относятся обе характеристики.

Методы. В статье применяются как традиционный культурно-исторический, так и современный имагологический методы исследования.

Результаты. Тема «английскости» входит в роман «Городок», как ни парадоксально, после отъезда героини из Англии. Взгляд со стороны, взгляд иностранцев помогает открыть особое положение Anglaise (англичанки): «Иностранцы считают, что из всех женщин разрешить путешествовать в одиночку можно только англичанкам, но и то их крайне удивляют бесстрашие и доверие, проявляемые отцами и опекунами. Что же касается самих *jeunes mees* (юных мисс), то одни чужеземцы называют их смелость мужеподобной и *inconvenant* (неприличной), а другие провозглашают их жертвами такой системы образования и религиозного воспитания, которая непредусмотрительно отвергает необходимый *surveillance* (надзор)» [2, с. 76]. Такую пространственную и географическую свободу женщины Люси Сноу воспринимает «как особенность своей английской национальной идентичности» [3, с. 151]. Последний роман Ш. Бронте осваивает более широкие географические горизонты, которых были лишены предыдущие произведения писательницы, отмеченные некой клаустрофобией [см. о этом 4: X].

«Только англичанка...» – устойчивый мотив романа «Городок», подчёркивающий особые социально-психологические свойства британки. Англичанкам середины XIX в. была предоставлена большая свобода и самостоятельность, чем женщинам с континента. Мадам Бек, например, поражается бесстрашию Люси Сноу, которая в одиночку покинула родину, чтобы найти работу на континенте. Такой поступок, по её словам, характерен только для Anglaise. Мадам Бек «питала уважение к Angleterre, а что касается les Anglaises, то если бы это от нее зависело, она только их и допускала бы к своим детям» [2, с. 100]. Самым ценным в англичанках она считает то, что «они обладают высоким интеллектом и истинной надежной честностью» [2, с. 100].

Но именно честности лишены обитатели пансиона в Виллете (Брюсселе), в котором начинает преподавать Люси. Начальница пансиона мадам Бек изображается «незаурядной и одаренной женщиной», которая «могла бы совместить должности премьер-министра и полицейского, ибо была мудрой, непоколебимой, вероломной, скрытной, хитрой, сдержанной, бдительной, загадочной, пронзительной, бездушной и при всем этом идеально соблюдала приличия – чего же еще желать?» [2, с. 102]. Вся система воспитания в её школе была построена на постоянном контроле и запретах. Люси Сноу отдаёт должное природному уму, административным способностям, выдержанности и внешней «приятности» мадам, ей очевидно множество положительных сторон учебной и воспитательной системы, установленной в школе на улице Фоссет. Но в то же время Люси удручает лживость и бездушность, насквозь пронизывающие это учебное заведение. Мадам Бек часто прибегает к доносительству, подслушиваниям и подсматриваниям, оправдывая это неэффективностью более честных способов управления как воспитанницами, так и наставниками. Сразу по прибытии в пансион вещи Люси Сноу подвергаются тщательному обследованию со стороны сильной и непоколебимой начальницы пансиона. «Добрых четверть часа она просидела на краю моей постели, пристально взглядываясь мне в лицо... мне было очень интересно, как далеко ее заведет тяга к изысканиям, а довела она ее до того, что мадам подвергла тщательному изучению каждый предмет моего туалета» [2, с. 95]. Мадам

Бек сделала слепки всех её ключей, а после вернула всё в надлежащий вид, словно ничего здесь и не происходило. Всю эту процедуру мадам рассматривала как свой долг и поэтому теперь чувствовала себя удовлетворенной и со спокойной душой могла покинуть комнату Люси. «Все это выглядело очень не по-английски; да, я несомненно находилась в чужой стране» [2, с. 96], – такие выводы делает Люси Сноу после первой ночи, проведённой в пансионе мадам Бек.

Лживость, которая, как замечает Люси, привычна для уроженцев Лабаскура и к которой они прибегают с «беззаботной легкостью», враждебна её чистосердечной, нетерпимой к неправде натуре. В то время как «никого в доме мадам Бек, начиная от судомойки и кончая самой директрисой, ложь не приводила в смущение, они считали ее пустяком: конечно, лживость – не добродетель, но самый простительный из всех человеческих недостатков <...> Зато пропустить мессу или не прочесть заданную главу из романа считалось преступлением, которое непременно влекло за собой выговор и наказание» [2, с. 111].

Непримиримое отношение Люси к лжи становится водоразделом, отделяющим её, протестантку, от католического Лабаскура. Малейшая попытка героини изменить у своих воспитанниц такое лёгкое отношение к неправде натолкнулась на противодействие со стороны мадам Бек. Люси стала в школе некой преступницей – «учительницей-протестанткой», которая стремится внушить своим подопечным антикатолические идеи.

«В широком плане “Городок” – это роман о становлении личности. Он связан с традицией “воспитательного романа” и получившего большое распространение в английской литературе “романа о вступлении в жизнь” (entrance-into-life). Не случайно уже в первой главе “Городка” есть упоминание об английском писателе Джоне Беньяне, авторе аллегорического произведения “Путь паломника” (1678), находящегося у истоков традиции “романа воспитания”, и о его герое Христиане» [5, с. 12]. Проходя свою «школу жизни» в пансионе на улице Фоссет, Люси постоянно находится в окружении людей, которые, по логике жанра «романа воспитания», должны оказывать на неё своё воспитывающее влияние. Но на самом деле Люси остаётся закрыта для чьего-либо влияния. Это обусловлено избирательностью общения героини, далеко

не каждого пускающей в свой внутренний мир, а также твёрдостью её характера, не поддающегося внешней «лепке». Пансион для Люси – площадка, на которой её наблюдательному взору открывается большой простор для исследования психологии своих новых знакомых. Через систему оппозиций с другими персонажами полнее выявляется и характер главной героини.

Пансионерка-англичанка Джиневра Фэншо – образ «псевдодруга» и наиболее отрицательный для автора женский тип. Джиневра постоянно навязывает Люси свое малоприятное общество, с удовольствием рассказывая ей о своих поклонниках и любовных победах. Роль «наперсницы» Люси пытается навязать сама Джиневра, хотя героиня не нуждается в её откровенности и не стремится её поддерживать. Их диалоги порой приобретают характер острых словесных пикировок. Джиневра – тип избалованной, «пустой кокетки», не отягощённой высокими нравственными принципами. Люси жёстко обходится с ней, не скрывая своего презрительного отношения и всегда произнося суровые отповеди ветреной красавице. За это Джиневра награждает Люси шутивными прозвищами «Диоген», «Тимон» и «Матушка Благоразумность». Рассказчицу возмущает то, что Джиневра беззастенчиво выпрашивает у своих богатых родственников и покровителей подарки и живёт за чужой счет. Люси Сноу, напротив, считает своим долгом никого не обременять и заботиться о себе самой.

Изучив нравы учительниц пансиона, Люси Сноу также выносит им суровый приговор: *«Одна из них оказалась достойной женщиной, но ограниченной, нечуткой и себялюбивой. Вторая, парижанка, при благородной внешности в душе была растленной особой без убеждений, без правил, без привязанностей; под внешней благопристойностью вы обнаруживали низкую душу»* [2, с. 158]. Третья же учительница – *«вообще-то особа бесхарактерная и незаметная, была весьма похожа на нее, с той лишь разницей, что ей была свойственна алчность»* [2, с. 158].

Пасторская дочь Ш. Бронте, конечно, суровый судья: она нетерпима к легкомысленности и суетности, лености, болтливости, расточительности, неумеренной любви к нарядам и развлечениям¹. Добродетель определяется ею

как результат труда и самовоспитания, требует контроля над собой, стойкости перед искушениями, отказа от удовольствий и изнеженности. Люси жестоко судит преклонение перед деньгами, накопительство, не знает снисхождения к лживости и внутренней пустоте. «Люси Сноу – не из тех барышень, которые робко прячутся от трудностей жизни. Она всегда стремится знать правду, даже если она горька, трезво полагая, что страх можно победить только познав вызывающий его источник: пугать способно только непонятное <...> Здравомыслие Люси помогает ей адекватно воспринимать жизнь, в то время как полет богатого воображения вселяет в нее надежды и силы жить» [7].

Предъявляя высокие моральные требования к людям, Люси не может полностью адаптироваться в новом окружении, найти в пансионе близкого ей по духу друга. Внутренний вакуум, в котором оказалась Люси, усиливается во время долгих каникул, когда она остаётся в пансионе в совершенном одиночестве. Наступает глубокий психологический кризис, который помогают преодолеть старые английские знакомые Люси: миссис Бреттон и доктор Джон. С ними героиню, как по волшебству, сводит судьба в самый тяжёлый период её жизни. Дальнейшее движение сюжета разворачивается вокруг семьи Бреттон и главным образом связано с доктором Джоном, который уже с первых минут появления Люси в Виллете играет роль её великодушного спасителя и защитника.

Люси Сноу «случайно» встречает Грэма Бреттона сразу по приезде в Виллет. Неизвестный англичанин помогает ей уладить проблемы с недоставленным багажом и заботливо провожает её, неизвестную соотечественницу, попавшую в затруднительное положение, в гостиницу. В облике этого незнакомца Люси видит воплощение лучших черт «английскости»: *«Еще долгое время спустя тешило меня сладостное воспоминание о его лице, которое светилось сочувствием к одиноким, о его манере говорить, выражавшей рыцарское отношение к бедным и слабым, молодым и неопытным. Этот юный джентльмен был истинным англичанином»* [2, с. 88].

знаменитому роману Дж. Беньяна «Путь паломника», уже во времена Ш. Бронте изучавшемуся в школах и воспринимавшемуся как великая национальная книга. Как известно, пафос романа Беньяна родился из складывавшейся в те времена и определившей дальнейшее развитие национальной, библейско-пуританской по форме, но нравственно-характерологической по сути, традиции» [6, с. 59].

1 Б. Проскурнин указывает на связь романа «Джейн Эйр» с английской традицией духовного путешествия и обретения себя через борьбу с испытаниями, возникшую еще в XVIII в. благодаря

«Идеал англичанина – *джентльмен*. Это в высшей степени “самосделанный” человек, зависящий только от себя. Человек-остров» [8, с. 158]. «Известный везде за пределами Англии, этот лингвокультурный типаж представляет собой воплощение воспитанности, умеренности, сдержанности и всего, что может олицетворять идеал англичанина как представителя этноса» [9, с. 163].

Когда «юный джентльмен», именуемый доктором Джоном, появляется в пансионе, где начинает преподавать Люси, героиня узнаёт в нём своего «товарища юных лет» Грэма Бреттона, но оставляет это в тайне и для него самого, и для читателей. Появление молодого красивого доктора в пансионе на улице Фоссет становится источником развития разнообразных сюжетных перспектив, завязываются несколько потенциальных любовных линий: доктор Джон и мадам Бек, доктор Джон и консьержка Розина. Сюжет осложняется появлением любовной записки, адресованной «той, что в сером платье» и падающей к ногам Люси, гуляющей к школьному саду как раз в платье этого цвета. Но вскоре выясняется, что записка предназначена не ей, и неизвестный адресат, как и автор послания, становятся частью общей головоломки – таинственной любовной интриги, которая развивается в школе на улице Фоссет и к которой Люси имеет отношение лишь как случайная посторонняя свидетельница непонятных ей самой событий. Когда тайна наконец проясняется, Люси приходится вновь выступить в роли «наперсницы». Она обсуждает с доктором Джоном его безуспешные ухаживания за Джиневрой, ободряя его в любовных неудачах или укоряя за обманчивость его представлений об «ангеле» Джиневре.

Обратим внимание на то, что Люси, оставаясь повествовательным, эмоциональным центром на всём протяжении произведения, часто перепоручает роль событийного центра другим героям, так как сама лишена необходимой для романного сюжета активности, потребности в самоутверждении и лидерстве. Люси Сноу – комбинация героини «романа воспитания», которой присущи целеустремлённость и упорство, и типа «наперсницы», т. е. персонажа традиционно второстепенного и малозначительного. Она часто занимает позицию отстранённости, взирает на всё происходящее как бы со стороны, изучая

характеры и нравы, но зачастую не принимая активного участия в событиях. Скромность героини порой переходит в чувство собственной незначительности, которую она даже как будто подчёркивает, говоря о себе как о «тени» или отмечая неприметность и «несовершенство» своей внешности. Символическим выражением этой неприметности становится её серое платье или его вариация – платье из «крепа лилового цвета с сероватым оттенком, точнее серо-коричневого тумана, покрывшего цветущие вересковые заросли» [2, с. 165–166]. Розовое же платье, которое Люси сшила её крёстная по своему вкусу, вызывает у героини «культурный шок»: «Но я не могу надеть такое платье, – немедля воскликнула я, чувствуя, что с тем же успехом могла бы нарядиться в одеяние знатной китайки <...> “Вообразите: на мне – и вдруг розовое платье! Знать его не хочу, да и оно меня тоже!”» [2, с. 265].

Рассказчица выдерживает долгую паузу, прежде чем раскрыть тайну о том, что доктор Джон и её «товарищ юных дней» Грэм Бреттон – одно и то же лицо. Окончательное «узнавание» совершается в главе «Товарищ юных дней», в которой именно доктор Джон «случайно» спасает заблудившуюся и потерявшую сознание Люси и привозит её в свой дом «Терраса». Бездомная Люси Сноу снова после Бреттона обретает Дом, чувство покоя и защищённости. «Терраса» становится некой «Англией в Лабаскуре», так как обстановка дома почти полностью была перевезена из Бреттона и создавала в сознании Люси иллюзию возвращения в прошлое, в «старую добрую Англию». Рассказчица любовно описывает знакомые синие кресла, «круглый стол в середине комнаты, покрытый синей скатертью с узорами из осенних листьев», «подставки для ног с вышитыми чехлами», «стул черного дерева, мягкое сиденье и спинка которого тоже были вышиты букетиками ярких цветов на темном фоне» [2, с. 210] – всю уютную домашнюю обстановку, так резко отличающуюся от холодных пустынных классных комнат в пансионе, являющемся образом бесприютности, дискомфорта («антидома»). «Как отрадно было оказаться в обстановке истинно домашнего уюта! – продолжает Люси. – Какое тепло источали янтарный свет лампы и багряный огонь в очаге! Для полноты картины следует добавить, что стол был накрыт к чаю – настоящему английскому чаю в сверкающем

сервизе, глядевшем на меня, как на старую знакомую: два массивных серебряных чайника: большой старомодный – для кипятку, а поменьше – для заварки, темно-лиловые позолоченные чашки из тончайшего фарфора» [2, с. 218]. «Дом обладает особой значимостью в английской культуре. По известному выражению культуролога Георгия Гачева «Англия – остров-корабль». Жители Англии всегда считали себя островитянами, и островное положение страны сыграло свою роль в формировании характера. Английский дом как замкнутое пространство может рассматриваться как микромодель острова, отгороженного от всего» [10, с. 126].

Встреча с семьёй Бреттон – осуществление желания Люси обрести близких людей, свою причастность семейному теплу, уюту и покою. Счастливые вечера в «Террасе», долгие беседы с доктором Джоном, его дружеская забота и стремление хотя бы на время скрасить безотрадную жизнь Люси – всё это заставляет читателя думать о его ответных к ней чувствах, которые пока, возможно, скрыты викторианской благопристойностью. После возвращения Люси в пансион доктор Джон шлёт ей добрые утешающие письма, которые также могут показаться выражением его глубоких чувств и которые заставляют героиню пережить момент наивысшего душевного подъема: «Я перешла в новую веру – я поверила в счастье» [2, с. 324]. Однако Люси никогда не прекращает вести свой внутренний диалог с Разумом – «злым духом», который говорит безжалостным холодным языком правды, возвращает к реальности, развенчивает все иллюзии и мечты. Именно он, Разум, налагает запрет на проявление ее чувств к доктору Джону:

«“Значит, мне никогда нельзя будет открыть свои чувства?”

“Никогда!” – возгласил он» [2, с. 294].

«Разум и чувство на протяжении любой книги Бронте противостоят друг другу, лишь в финале они приходят в равновесие благодаря компромиссу или удачному стечению обстоятельств» [11, с. 10]. Казалось, что цепь случайных совпадений, неоднократно сводящих линии Люси Сноу и Грэма Бреттона, являлась знаком высшей предопределённости, указывающей на будущее соединение их судеб. Традиционный романский сюжет должен был бы непременно привести к развитию любовных отношений между героями,

которых, как кажется, сама судьба ведёт друг к другу. Но Ш. Бронте, не поддерживая сюжетные стереотипы, часто создает эффект обманутого читательского ожидания. Мы обманывались, предвосхищая любовный сюжет Люси и Грэма. На самом деле он не состоялся, героиня вновь, как и в «бреттонских» главах, выступила в функции очевидца, утешительницы и «дуэньи», не создающей собственной любовной коллизии, а принимающей участие в сердечных переживаниях других героев.

Преподаватель литературы профессор Поль Эманюэль сначала тоже проецирует личность Люси на её национальность, причём именно на отрицательные, с его точки зрения, стороны характера англичанок. Появившись в пансионе, Люси тут же получила от него прозвище «англичанка» и стала восприниматься всеми с точки зрения своей национальности. «Она англичанка. Тем хуже. Англичанка и, следовательно, недотрога» [2, с. 170]. Он убеждён также в том, что «англичанки – либо лучшие, либо худшие представительницы своего пола, одному богу известно, что я их вообще-то боюсь как чумы...» [2, с. 171].

Этот герой во многом инвариантен для типологии мужских образов Шарлотты Бронте. Эпизодически образ мосье Поля уже появлялся в повествовании почти с самого начала «лабаскурских» глав: именно он является «вершителем судьбы» Люси, когда советует мадам Бек взять её на службу в пансион. Следуя своей мировоззренческой концепции, Ш. Бронте считает, что соединение человеческих судеб не может обойтись без участия Провидения.

Вначале мосье Поль для Люси «казался малоприятной фигурой» [2, с. 162], «его нрав – вздорный, противный, неустойчивый, угрюмый и возбудимый, а главное, неподатливый – мог чуть что стать неустовым и неукротимым» [2, с. 169]. Артистичный, стихийный, вспыльчивый, полный жизненных сил и энергии профессор Поль являет собой противоположность образу Люси. Их отношения с героиней долгое время строятся на смене бурных ссор и тёплых дружеских примирений, что поначалу выглядит только как проявление несдержанного «южного» (с учетом «испанской крови» героя) темперамента мосье Поля. Но в дальнейшем эмоциональный накал их общения объясняется тем, что мосье Поль неравнодушен к Люси и поэтому столь

остро реагировал на её даже кажущееся невнимание к своей особе.

Внешность Поля Эманюеля, с одной стороны, дегероизирована: «коротышка-профессор», часто неряшливо одетый, комичный своей чрезмерной живостью и активностью. С другой стороны, его облик «байронически» исключителен и несёт отпечаток яркой личностной индивидуальности. Люси поражает в лице Поля Эманюеля «выражение силы», «глубина и пронзительность взгляда, мощь бледного, открытого, выпуклого лба, подвижность чрезвычайно выразительного лица» [2, с. 283].

Поль Эманюэль долгое время воспринимается только как причудник, с его стихийными взрывами гнева или приступами добродушия, своенравными бурными проявлениями своего честолюбивого и беспокойного характера. Лишь позже Люси открываются его доброе сердце и отзывчивая душа, его бескорыстие и способность к самоотречению.

Далее взаимное доверие героев друг к другу постепенно развивается. Люси соглашается заменить заболевшую актрису и сыграть роль в руководимом мосье Полем спектакле на именинах мадам Бек. Мосье Поль же по окончании учебного года, проникнувшись одиноким положением Люси в пансионе, помогает ей принять экзамен по английскому языку и предлагает героине свою дружескую поддержку. Затем «смуглый маленький человечек» тоже эпизодически появляется в тех главах романа, в которых участвует и доктор Джон: в картинной галерее, на концерте, при получении Люси первого письма от доктора Джона – и каждый раз, «подобно удару грома», он обрушивает на неё своё внешне необъяснимое раздражение, возмущение, даже бешенство.

Когда Поль Эманюэль встретил Люси в картинной галерее, его крайне возмутило то, что она находилась там одна, без спутников и к тому же созерцала «безнравственную» картину. «Поразительно, чисто британское безрассудство!» [2, с. 249], – негодовал профессор Поль. Апогеем же его «англофобии» становится глава «Именины мосье Поля», в которой он, задетый тем, что Люси единственная из учительниц и учениц пансиона не преподнесла ему подарок, излил на Англию и les Anglaises свой «титанический» гнев. В день рождения мосье Поля, который был большим праздником в пансионе, все без исключения

публично преподнесли ему подарки и оказали знаки внимания, лишь англичанка Люси решила поздравить его лично, не демонстрируя свои чувства открыто. Мосье Поль не смог удержаться и не высказать своего мнения об англичанках, «он ничего не пощадил: ни ума, ни поведения, ни манер, ни наружности» [2, с. 396]. Особенно запомнилось Люси, как он бранил «высокий рост, длинные шеи, худые руки, неряшливость в одежде, педантичное воспитание, нечестивый скептицизм, несносную гордыню, показную добродетель» [2, с. 396]. Люси смогла стойчески выслушать поношение англичан, но, как только мосье Поль добрался до величайших имён, лучших мужей, как только начал пятнать Британский щит и Королевский флаг – её терпению пришел конец. Люси с силой ударила по столу, выпалив такую фразу: «Vive l'Angleterre, l'Histoire et les Héros. À bas la France, la Fiction et les Faquins!» («Да здравствует Англия, её история и её герои! Долой Францию, её выдумки и её фатов!») [2, с. 397].

Эта сцена окрашена комическими тонами, поскольку ярость мосье Поля против англичан на самом деле спровоцирована не его действительной к ним ненавистью, а лишь конкретным невниманием к нему Люси. Но в то же время речь мосье Поля находит психологическую поддержку всего класса: «Зели и весь класс сияли одной общей ухмылкой мстительного удовольствия; забавно, до чего лабаскурские жеманницы тайно ненавидят Англию» [2, с. 397]. Англичанку и более того протестантку Люси Сноу отделяют от Виллета непроницаемые национальные и религиозные барьеры.

Отношения Люси Сноу и Поля Эманюеля также содержат национальное противопоставление. Артистичный, стихийный, «южный» (с учётом «испанской крови») темперамент профессора Поля являет собой противоположность образу строгой, уравновешенной «англичанки» Люси. Конфликты Люси и Поля Эманюеля только укрепляют взаимную привязанность. Их чувства несут определённый бунтарский заряд, потому что они соединяют тех, кого разделила религия и материальные расчёты окружающих. Но различие свойств темперамента и характера, национальностей, религий, языка, разделяющее героев, становится мнимым перед их глубинным духовным «сродством»: «Я чувствовал соответствие между нами. Вы терпеливы, я вспыльчив; вы покойны

и бледны, я смугл и неистов; вы строгая протестантка, я мирянин-иезуит. Но мы схожи – между нами существует сродство» [2, с. 422]. Люси обретает в мосье Поле своего близкого друга, способного прийти на помощь, зрелую любовь, тихое и глубокое счастье. «В пространстве этого романа писательница осуществила свою мечту о взаимности своей любви к учителю, в то же время оплавав свои иллюзии и надежды: роман заканчивается скорбной нотой – сообщением о гибели возлюбленного» [12, с. 84]. «Не дав своей героине шанса на счастливый брак в конце романа, писательница не только бросала вызов конвенциям женской прозы ранневикторианского периода, но и отрещивалась от собственного прошлого литературного опыта: ведь истории более ранних ее героинь – Фрэнсис Эванс, Джейн Эйр, Кэролайн Хелстоун и Шерли Килдар – заканчивались матримонийной идиллией» [13, с. 94].

В целом, опуская некоторые возможные отступления от правила, можно утверждать, что «английскость» для Ш. Бронте является синонимом положительности, и поэтому английские героини романа – это, как правило, «положительные» героини. Хотя автор «Городка» создает многоплановые образы, живые реалистические ха-

рактеры, вызывающие глубокое читательское сопереживание, в их обрисовке почти сразу чувствуется и авторское отношение, и положительная / отрицательная оценка образа. Можно заметить, что характеристика «положительности» и «английскости» в системе основных образов романа совпадает практически всегда.

Выводы. Таким образом, «образ главной героини романа Ш. Бронте «Городок» при всей его индивидуальности становится обобщенно-типическим выражением английского характера. Национальное своеобразие ее личности выявляется относительно национального «другого»» [14, с. 138]. С «английскостью» Ш. Бронте соединяет свои представления о чести, высоком достоинстве и безупречной нравственности. Англичанин в её романе определяется традиционной ролью сильного, умного, добродетельного викторианского джентльмена, «который способен подарить женщине полноту бытия и защищенность» [15, с. 440.] Но образ англичанки у писательницы расходится с типичной викторианской концепцией «милой женственности». На смену ей приходит мечта героини Ш. Бронте о независимости и широкой деятельности, опыт выживания в социуме и внутренняя открытость миру.

Источники

1. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в современной английской литературе // Вестн. Татар. гос. гум.-пед. ун-та. Казань : КФУ, 2010. № 2 (20), с. 183–187.
2. Бронте Ш. Городок: Роман / пер. с англ. Л. Орел и Е. Суриц. М. : Худож. лит., 1983. 559 с.
3. Толстокурова А. В. Дама в дилижансе: женская географическая мобильность и пространственная эмансипация в художественной литературе эпохи модерна [Электронный ресурс] // Культура и текст. 2016. № 4 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dama-v-dilizhanse-zhenskaya-geograficheskaya-mobilnost-i-prostranstvennaya-emansipatsiya-v-hudozhestvennoy-literature-epohi-moderna> (дата обращения: 16.07.2021).
4. Phelps G. Introduction // Brontë Ch. Villette. London, Pan Books Ltd, 1973, pp. I–XXVI.
5. Михальская Н. О Шарлотте Бронте, романе «Городок» и его героях // Бронте Ш. Городок / пер. с англ. Л. Орел, Е. Суриц. М. : Правда, 1990. 477 с.
6. Проскурнин Б. М. Новый человек и новое время в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр» // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь : Изд-во ПГУ, 2009. № 4, с. 51–62.
7. Сидорченко Л. В., Бутова И. И., Аствацатуров А. А. [и др.]. Сестры Бронте [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/sidorchenko-sestry-bronte.htm> (дата обращения: 16.07.2021).
8. Гачев Г. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, 2003. 541 с.
9. Джиоева А. А. Концепт stiff upper lip и коррелирующая концептосфера: интегральный анализ [Электронный ресурс] // Вестн. Мос. ун-та. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-stiff-upper-lip-i-korreliuyuschaya-kontseptosfera-integralnyy-analiz> (дата обращения: 16.07.2021).
10. Ремаева Ю. Г. «Английскость»: национальная самобытность в литературных традициях (на примере современной женской прозы “chicklit”) [Электронный ресурс] // Вестн. Нижненовгород. ун-та. 2014. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskost-natsionalnaya-samobytnost-v-literaturnyh-traditsiyah-na-primere-sovremennoy-zhenskoj-prozy-chick-lit> (дата обращения: 16.07.2021).
11. Соколова Е. А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.01.05 : защ. 18.01.1996 : [место защиты : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена] / Елена Александровна Соколова. СПб., 1995. 16 с.
12. Турышева О. Н., Попова К. В. Любовь к учителю: Шарлотта Бронте в письмах к Константину Эже [Электронный ресурс] // Филологический класс. 2016. № 3 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-k-uchitelju-sharlotta-bronte-v-pismah-k-konstantinu-ezhe> (дата обращения: 16.07.2021).

13. Васильева Э. В. К вопросу о реализме Ш. Бронте («Городок» и мономиф) [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizme-sh-bronte-gorodok-i-monomif> (дата обращения: 16.07.2021).

14. Беликова Е. В. Система личностных мотивов и организация сюжета в романе Ш. Бронте «Городок» [Электронный ресурс] // Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 3 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-lichnostnyh-motivov-i-organizatsiya-syuzheta-v-romane-sh-bronte-gorodok> (дата обращения: 16.07.2021).

15. Бузылева К. Женщина и ее дом: оппозиция «Дом – Мир» в творчестве английских писательниц XIX–XX веков // Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX. Проблема взаимодействия литературных эпох. М. : ИМЛИ РАН, 2009, с. 435–461.

Информация об авторе

Беликова Екатерина Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8812-2878>. E-mail: [E-mail: e.v.belikova@bk.ru](mailto:e.v.belikova@bk.ru)

E. V. Belikova¹

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

“Only an Englishwoman...”: representation of the English national character in “Villette” by Charlotte Brontë

Abstract. The article deals with the problem of reflecting the English national character in the “Villette” novel by Charlotte Brontë. The writer had an opportunity to show her English heroine in a world of a different cultural, religious and linguistic mentality moving her from England to Labassecour (modelled on Belgium). The leading lady of the novel encounters with another world and it allows the author to compare different national characters and cultural models. The article uses both traditional cultural-historical methods and modern imagological approach. The results of the study consist in considering various (cultural, ethical, religious, everyday) aspects of “Englishness”. The English national character is determined through its correlation with such firm concepts as “Gentleman”, “Home”, “Independence”, “Protestantism”. The concept of “Englishness” in the “Villette” novel is formed on the basis of entirely positive, even ideal qualities such as moral rectitude, decency, the sense of duty, the cult of home and patriotism. These character features are contrasted with the continental French-speaking culture, the writer perceives it mainly in a negative light. However, the love that united an Englishwoman and a Labassecourian gives us a lesson of overcoming national and cultural differences.

Keywords: Charlotte Brontë, “Villette”, “Englishness”, national character, imagology.

Paper submitted: July 20, 2021.

For citation: Belikova E. V. (2021) “Only an Englishwoman...”: representation of the English national character in “Villette” by Charlotte Brontë. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 15, no. 3, pp. 38–46. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.3-5.

References

1. 1. Habibullina L. F. (2010) The national myth in modern English literature. Tatar State Humanitarian and Pedagogical University Bulletin, no 2 (20), pp. 183–187. (In Russian).
2. Bronte Sh. (1983) Villette. Trans. L. Orel and E. Suric. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 559 p. (In Russian).
3. Tolstokorova A. V. (2016) A lady in a stagecoach: women’s geographical mobility and spatial emancipation in the fiction of the Modern era. Culture and Text, no 4 (27). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dama-v-dilizhanse-zhenskaya-geograficheskaya-mobilnost-i-prostranstvennaya-emansipatsiya-v-hudozhestvennoy-literature-epohi-moderna> (accessed 16.07.2021). (In Russian).
4. Phelps G. (1973) Introduction. Brontë Ch. Villette. London, Publ. Pan Books Ltd, pp. I-XXVI.
5. Mihal’skaja N. (1990) About Charlotte Brontë, the novel “Villette” and its heroes. Brontë Ch. Villette. Trans. from English by L. Orel, E. Surits. Moscow, Pravda Publ., 477 p. (In Russian).
6. Proskurnin B.M. (2009) New individuality and new age in Charlotte Brontë’s Jane Eyre. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, no 4, pp. 51–62. (In Russian).

7. Sidorchenko L. V., Burova I. I., Astvatsaturov A. A. [et al.]. Sisters Brontë [Electronic resource]. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/sidorchenko-sestry-bronte.htm> (accessed 16.07.2021).
8. Gachev G. (2003) Mentalities of the peoples of the world. Moscow, Algoritm Publ., 541 p. (In Russian)
9. Dzhioeva A.A. (2017) The stiff upper lip concept and the correlating concept sphere: integral analysis. Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, no. 1, pp. 158-167. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-stiff-upper-lip-i-korreliuyuschaya-kontseptosfera-integralnyy-analiz> (accessed 16.07.2021). (In Russian).
10. Remaeva Ju. G. (2014) Englishness: national distinctive character in literary traditions (by example of contemporary woman's fiction "chick lit"). Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, no 2-3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskost-natsionalnaya-samobytnost-v-literaturnyh-traditsiyah-na-primere-sovremennoy-zhenskoy-prozy-chick-lit> (accessed 16.07.2021). (In Russian).
11. Sokolova E. A. (1995) Traditions of Romanticism in the work of Charlotte Brontë: abstract of the dissertation of the candidate of Philological Sciences : 10.01.05 / Gercen Russian State Pedagogical University. Sankt-Peterburg, 16 p. (In Russian).
12. Turysheva O. N., Popova K. V. (2016) Love for the teacher: Charlotte Brontë in letters to Konstantin Ezhe. Philological class, no. (45). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-k-uchitelyu-sharlotta-bronte-v-pismah-k-konstantinu-ezhe> (accessed 16.07.2021). (In Russian).
13. Vasil'eva Je. V. (2016) Charlotte Brontë's realism reconsidered (Villette and monomyth). Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, no. 1 (33). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizme-sh-bronte-gorodok-i-monomif> (accessed 16.07.2021). (In Russian).
13. Belikova E. V. (2013). System of personal motives and organization of the plot in Charlotte Brontë's Villette. Herald of Omsk University, no. 3 (69). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-lichnostnyh-motivov-i-organizatsiya-syuzheta-v-romane-sh-bronte-gorodok> (accessed 16.07.2021). (In Russian).
14. Buzyleva K. (2009) A woman and her house: the opposition "Home-World" in the works of English writers of the XIX-XX centuries. English literature from the XIX century to the XX century, from the XX century to the XIX century. The problem of interaction of literary epochs. IMLI RAN Publ., pp. 435-461. (In Russian).

Information about the author

Ekaterina V. Belikova

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor. Dostoevsky Omsk State University (55 Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8812-2878>. E-mail: e.v.belikova@bk.ru

© **Е. В. Беликова, 2021**